

ЗАЧЕМ ТАК УСЛОЖНЯТЬ?

Соколова Татьяна Дмитриевна – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sokolovatd@gmail.com

В данной статье автор критикует некоторые тезисы, выдвинутые С.М. Гавриленко и касающиеся статуса исторической эпистемологии в ряду других социальных и гуманитарных научных дисциплин. Здесь автор опирается преимущественно на французскую традицию исторической эпистемологии, а также подчеркивает необходимость обозначения дисциплинарных границ между эпистемологией, философией науки, историей и социологией науки.

Ключевые слова: историческая эпистемология, социальные науки, французская эпистемология, социология науки, философия науки

WHY SO COMPLICATED?

Tatiana Sokolova – PhD in Philosophy, junior research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sokolovatd@gmail.com

In the article, author criticizes some points made by S.M. Gavrilenko regarding the status of historical epistemology and other social and humanitarian disciplines. Here the author relies mainly on the French tradition of historical epistemology, as well as emphasizes the need to keep clear the disciplinary boundaries between epistemology, philosophy of science, history and sociology of science.

Keywords: historical epistemology, social sciences, French epistemology, sociology of science, philosophy of science

Статья Станислава Михайловича Гавриленко, продолжающая начатую ранее дискуссию о статусе исторической эпистемологии в ряду других гуманитарных дисциплин, поднимает некоторые весьма важные для философов и эпистемологов вопросы. Они касаются, в первую очередь, предметного и методологического подходов как исторической эпистемологии, так и других социальных наук, а также своего рода конкуренции в производстве «знания о знании», которую автор демонстрирует на примере социологии. Данные вопросы, безусловно, требуют более детального рассмотрения, а некоторые из них уже были обсуждены в предыдущем номере (равно как и в обширной литературе по проблеме, которую приводит автор и другие исследователи, имеющие отношение к исторической эпистемологии).

Тем не менее некоторые тезисы, которые С.М. Гавриленко выдвигает для обоснования своей позиции об уникальном статусе исторической эпистемологии, на мой взгляд, являются довольно спорными. И в первую очередь потому, что в еще большей степени усложняют вопросы, по которым на сегодняшний день нет определенного консенсуса. При этом такого рода усложнение, на мой взгляд, не только не привносит функциональный инструментарий, который позволил бы прийти к лучшему пониманию предмета, но напротив, еще более запутывает проблему.

Поэтому прежде чем начать, мне хотелось бы определиться со значением базовых терминов, которыми я буду оперировать. Во-первых, под эпистемологией в широком смысле я понимаю философскую дисциплину, предметом которой является знание, а также процесс получения знания¹. Под знанием, в свою очередь, я понимаю, прежде всего, дискурсивное знание (в ставшей классической формулировке – «истинное обоснованное верование»).

Во-вторых, программа французской исторической эпистемологии, на которую я в данном случае опираюсь, обладает рядом специфических характеристик, которые позволяют обособить данное течение от, например, более поздней англоязычной традиции историко-эпистемологических исследований.

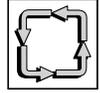
(а) Эпистемология *per se* понимается как «философская рефлексия над историей науки» [Braunstein, 2002, p. 931]. То есть здесь стирается дисциплинарное различие между эпистемологией и философией науки.

(б) На место нововременной концепции неизменного абсолютного разума², который универсальными методами познает окружающую действительность, приходит концепция разума исторического, то есть принципиально изменчивого и вырабатывающего новые механизмы познания. Такая концепция разума не претендует на статус метафизической концепции, а напротив, основывается на исторических исследованиях науки, фиксируя не только теории, гипотезы и концепции, которые получили развитие и подтверждение в современной науке, но и ошибки, заблуждения, ложные интерпретации и т. д.

(с) Историческое развитие познания, таким образом, рассматривается не как линейный процесс, а напротив, характеризуется так называемыми «разрывами», то есть отказом от старых методов и переходом на новые методы познания. Линейным развитие науки представляется только в исследованиях историков и философов

¹ Вне зависимости от того, рассматриваем ли мы знание как продукт социальных институтов, культурных или экономических отношений или остаемся в рамках теоретического рассмотрения его формальных оснований. Эпистемолог волен (но не обязан) выбирать тот или иной подход к знанию, и в том его принципиальное отличие от историка или социолога науки. Философ науки, в свою очередь, сужает предмет своего исследования до научного знания и познания (в данном случае нам не так важно, по каким критериям он отделяет науку от не-науки). Если для того, чтобы проводить исследование в рамках философии науки, необходимо выбрать ту или иную эпистемологическую перспективу, то для работы эпистемолога вовсе не обязательно принимать в расчет философию науки, он вполне может ограничиться формальным подходом к обоснованию знания и познавательного процесса, сделать предметом своего исследования вненаучные формы знания (если таковые имеются) и т. д.

² Эту концепцию условно можно обозначить как историческое а priori классической теории познания, которое отходит на второй план в XX в. в связи с изменениями как в научной картине мира, так и в самой философии.

ЗАЧЕМ ТАК УСЛОЖНЯТЬ?

науки, и это обстоятельство является следствием выбранного ими подхода к реконструкции истории развития научного знания [Bachelard, 1972, p. 137–155].

В моем понимании историческая эпистемология не является «порядком утопии», а представляет собой набор вполне конкретных философских течений, которые, несмотря на различия в ряде методологических приемов, все же имеют определенные дисциплинарные очертания. Регулярное нарушение дисциплинарных границ как со стороны исторических эпистемологов, так и со стороны философов, историков и социологов науки свидетельствует о том, что границы эти все же есть, причем они довольно чувствительны и факт их пересечения можно зафиксировать, обосновать и т. д. Часто именно совмещение различных исследовательских приемов и методологий (например, исторической и социологической) позволяет создать более полную картину исследуемого объекта, каков бы он ни был.

Исходя из этого, я полагаю, что выдвигаемые в статье С.М. Гавриленко тезисы относительно дисциплинарного статуса исторической эпистемологии, равно как и попытка ее концептуализации, в большинстве своем не отражают специфику данной философской дисциплины. Итак,

(1) Во-первых, представляется сомнительным установление корреляции между обособлением социологии как научной дисциплины и «утратой философией интеллектуальной монополии на производство знания о знании» (с. 22). Помимо социологии в начале XX в. активно развивались различные направления психологии³, лингвистики, появлялись новые логики, да и в самой философии развивались течения, отказывающие ей в подобного рода монополии (например, логический позитивизм). Обособление социологии, равно как и направленная на него деятельность Эмиля Дюркгейма, – отдельный предмет для исследователей в области истории социологии, социологии знания, а также и самой исторической эпистемологии. В то же время автором опускается вопрос о взаимоотношении исторической эпистемологии с такими дисциплинами, как история и философия науки, а также история философии. А этот момент дисциплинарного размежевания и обособления объектов исследования является наиболее острым для теоретиков исторической эпистемологии (по крайней мере, в ее французской версии).

(2) Новый «эмпирический режим» производства знания о знании, которому автор противопоставляет «априорный» и нормативный (т. е. догматический) философский режим производства знания – также спорный момент, который, на мой взгляд, вытекает из программы

---

³ На родине Дюркгейма конфликт между философией и психологией был весьма животрепещущим, в отношении как сугубо теоретических вопросов, так и вопросов институциональных. См.: [Canguilhem, 1958; Engel, 1996, p. 9–64].

критики неокантианских версий философии представителями других направлений *самой же* философии, в том числе и французской традицией исторической эпистемологии. Связано ли обращение философов к эмпирическому, которое впоследствии вылилось в программу натурализованной эпистемологии и до сих пор является предметом споров, с давлением на нее социальных наук, появлением философствующих ученых, приходом в философию людей с базовым образованием в области физики, математики или биологии, переходом к массовому высшему образованию, реформами университетов, мировыми и колониальными войнами и т. д.? Или оно явилось ответом на внутренние проблемы и противоречия, к которым философское производство «знаний о знании» (а точнее, его идеалистические течения) пришло в начале XX в.? Это отдельная тема для историко-философских исследований, однако труды эпистемологов (вне зависимости от того, рассматриваем мы «аналитическую» или «континентальную» традиции) не рассматривают философскую методологию как исключительно априорную. И здесь историческая эпистемология находится в общем русле современных ей философских течений.

(3) Сводя философское исследование знания к исследованию знания в «пропозициональной форме» (что бы автор ни имел в виду под «протокольной пропозицией»), С.М. Гавриленко, на мой взгляд, значительно упрощает картину философского рассмотрения знания и научных практик. И здесь, опять же, стирается дисциплинарное различие между эпистемологией вообще, философией науки, историей науки, не говоря уже о более новых течениях, таких как социальная эпистемология. Рассуждая о некоем едином философском подходе к исследованию знания, автор, на мой взгляд, упускает из виду тот факт⁴, что в своих подходах к исследованию знания и его определению прийти к консенсусу не смогли еще Платон и Аристотель, а с развитием философии картина только усложнялась.

(4) Из необходимости исследования «актов познания» (с которой сегодня мало кто поспорит, вне зависимости от того, что имеется в виду под данными актами), а также того факта, что социальные и исторические науки существенно расширили предметную область возможных эпистемологических исследований, С.М. Гавриленко выводит ряд важных вопросов, касающихся возможности неэссенциалистской философии науки (но не эпистемологии). И для эпистемологии, и для философии науки данные вопросы не являются новыми. И опять же, здесь встает вопрос о дисциплинарных границах и определении объекта и методологии исследований.

⁴ Хотя из статьи не очень ясно, о каком конкретно историческом периоде в данном случае идет речь. Многочисленные отсылки к работам философов и социологов разного периода помещают этот текст «вне времени», хотя по общему впечатлению речь идет о начале XX в. и о начале XXI-го.

(5) И, наконец, определяя историческую эпистемологию как «некоторое не преодолевшее порог дисциплинарности концептуальное пространство, лишенное строгих границ и четких очертаний, где размещаются вследствие отказа от фундаментальных философских очевидностей в отношении знания его новые проблематизации и где пытаются с ними каким-то образом работать, в том числе в режиме радикального теоретического воображения и экспериментирования» (с. 26). С.М. Гавриленко, на мой взгляд, не учитывает того, что историческая эпистемология – уже далеко не новая философская дисциплина. Несмотря на характерную для гуманитарных (хотя и не только) наук нерешенность ряда вопросов (в частности, вопроса о ее взаимоотношении с историей и философией науки) историческая эпистемология предлагает ряд вполне четких исследовательских приемов, формирующих ядро ее методологии.

Историческая эпистемология – это вполне рабочая методологическая программа внутри группы философских дисциплин, изучающих знание и его производство. И установить ее границы в рамках конкретного исследования не представляется такой уж сложной задачей. Равно как и нарушать эти границы, переходя в области других гуманитарных и социальных дисциплин. Главное – делать это осторожно и отдавать себе отчет в том, на чьей территории находишься.

Список литературы

Bachelard, 1972 – *Bachelard G. L'actualité de l'histoire des sciences // Bachelard G. L'engagement rationaliste. P.: PUF, 1972. P. 137–155.*

Braunstein, 2002 – *Braunstein J.-F. Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le "style français" en épistémologie // Les philosophes et la science. P.: Gallimard, 2002. P. 920–963.*

Canguilhem, 1958 – *Canguilhem G. Qu'est-ce que la psychologie? // Revue de Métaphysique et de Morale. 1958. No. 1. P. 12–25.*

Engel, 1996 – *Engel P. Philosophie et psychologie. P.: Gallimard, 1996. 473 p.*

References

Bachelard, G. "L'actualité de l'histoire des sciences", in: Bachelard G. *L'engagement rationaliste*. Paris: PUF, 1972, pp. 137–155.

Braunstein, J.-F. "Bachelard, Canguilhem, Foucault. Le 'style français' en épistémologie", in: *Les philosophes et la science*. Paris: Gallimard, 2002, pp. 920–963.

Canguilhem, G. "Qu'est-ce que la psychologie?", *Revue de Métaphysique et de Morale*, 1958, No. 1, pp. 12–25.

Engel, P. *Philosophie et psychologie*. Paris: Gallimard, 1996. 473 pp.